

После того как место было выбрано, следующим шагом стало вбивание кольев.

В Байшуйао для ловли медуз используют большие сети на бамбуковом каркасе. Их нижние концы вбивают в морское дно, в илистый песок. Когда вода убывает, сеть опускается и, подчиняясь течению, расстилается. Медузы, плывущие вместе с потоком, как раз натываются на эту преграду. А когда прилив вновь поднимает уровень, сеть поднимается следом, собирая весь улов в объятия.

Инструмент для вбивания — длинное бревно, к которому прикреплен тяжёлый камень, и толстая пеньковая верёвка. Хранилось это приспособление на лодке семьи Шестого Дяди-гуна. Чтобы его привести в движение, нужно сразу несколько крепких мужчин: они тянут за канат и направляют бревно так, чтобы оно с силой било по бамбуковым кольям.

Так как Чжун Мин вышел в море впервые, старшие решили, что пока от него больше вреда, чем пользы, и отправили его к рулю — удерживать лодку, чтобы та не сбивалась с места из-за толчков и перемещений на борту.

— Поставили тебя у руля — это не значит, что можно прохлаждаться. Главное — наблюдай и учись, — бросил Чжун Мину третий дядя, самый сильный среди них. Он первым стянул с себя рубаху, остался по пояс голый, разминая плечи перед тем как приступить, и напоследок ещё раз напомнил племяннику.

— Понял! — сразу отозвался Чжун Мин.

Вскоре, под звонкий, протяжный клич Шестого Дяди-гуна, началось вбивание кольев.

Мужчины обеими руками со вздувшимися мускулами сжимали канат, управляя тяжёлым камнем, который то поднимался, то с глухим ударом обрушивался вниз, вбивая бамбук всё глубже в воду. Нельзя не признать — это было тяжёлое и утомительное занятие, в котором не было ни зрелищности, ни разнообразия.

После того как первый кол был вбит, лицо третьего дяди Чжуна стало пунцовым, по нему струился пот. Чжун Ху, тяжело дыша, спустился с помоста за водой. Чжун Мин протянул ему кувшин и спросил, не хочет ли тот на следующем колье поменяться — уступить ему место.

Чжун Ху отхлебнул несколько больших глотков, шумно проглотил, а потом покачал головой:

— Брат, тебе ещё рано — ты слишком щуплый, силы не хватит. Надо потренироваться.

Чжун Мин уже собирался возразить — в прошлой жизни он прошёл десятки лет армейской муштры, по выносливости и технике ни в чём Чжун Ху не уступал. Но не успел и рта раскрыть, как вдруг чья-то рука резко сжала его за плечо. Он среагировал рефлекторно — молниеносно перехватил запястье и чуть было не провёл бросок через бедро. Если бы не окрик Чжун Ху —

«Шестой Дядя-гун!» — Чжун Мин уже отправил бы старика плашмя на палубу.

Но и того, что успел, хватило: кисть Шестого Дяди-гуна он сжал так, что у того наверняка кольнуло.

Чжун Мин тут же вспыхнул, смутившись до корней волос:

— Шестой Дядя-гун, простите меня...

В это время мимо проходил четвёртый дядя и, увидев происходящее, тут же начал его отчитывать:

— Ты, паршивец, совсем мозги растерял? Где это ты нахватался таких хулиганских приёмов — да ещё и на старшего решил применить?!

Неожиданно Шестой Дядя-гун вовсе не выглядел особенно рассерженным. Он лишь встряхнул рукой и невозмутимо сказал:

— Этот ребенок ведь по-другому рос. У него руки длинные, ноги тоже, телосложение сухощавое — такой в море самое то, как рыба в воде. А если бы был громадиной, только мешал бы — в воду зайдёшь и сразу ко дну.

Он взглянул на Чжун Мина и уверенно добавил:

— Быстрая реакция, ловкость есть — хорошо. Это и есть те самые навыки, что жизни на море спасают.

Сказав это, он, не оглядываясь, ушёл, заложив руки за спину.

Трое оставшихся — Чжун Мин, Чжун Ху и четвёртый дядя — лишь переглянулись, не зная, как себя повести. Особенно четвёртый дядя: ни похвалить, ни поругать теперь было нельзя — не поймут.

Передохнули недолго, и снова взялись за дело. На каждую лодку приходилось по одной сети с каждого борта — итого две. А с четырёх лодок набиралось уже восемь сетей, а значит, и восемь кольев.

Когда дошли до пятого, один из мужчин схватился за поясницу — сказал, что потянул спину. Пришлось менять, и на его место встал Чжун Мин. Так вторая половина работы прошла уже с ним: Чжун Мин наравне со всеми махал руками, тянул, давил, поднимал. Телу его сейчас было всего семнадцать лет, и, конечно, оно не могло сравниться с крепким, накачанным телом из прежней жизни, когда ему было за двадцать. Но он стиснул зубы — и вытянул до конца.

К моменту, когда работа наконец подошла к концу, Чжун Мин был насквозь мокрым — пот с него стекал, словно он только что вынырнул из моря. Утирать его было бессмысленно — он лился ручьём. Он смахнул солёную влагу, что попала в глаза и щипала, сглотнул, потом нашарил свой кувшин и залпом выпил добрую половину.

Сети закреплены — теперь оставалось только ждать. Солнце с каждым часом становилось всё беспощаднее, и Чжун Мин чувствовал, что заживо задыхается от жары — казалось, ещё немного, и он точно «поймает огонь» внутри. В прошлой жизни он слишком долго жил на севере, где царит холод. Сейчас, вернувшись сюда, в родные места, он едва выносил даже лёгкий зной.

Грызая сушёного кальмара, он с каменным лицом какое-то время пристально смотрел на гладь моря, а потом резко поднялся.

Дремавший рядом на досках Тан Дацянь приоткрыл один глаз:

— Ты куда собрался?

Чжун Мин потянулся, расправляя плечи и ноги, и в голосе его прозвучала бодрость:

— Всё равно сидим без дела. Думаю, сгоняю поплавать.

Он потёр ладони:

— Дядя, у тебя на лодке есть сачок или железные грабли? Дай мне попользоваться.

Тан Дацянь сел, подумал и ответил:

— Сачок есть. А вот грабель нет — твоя тётка в прошлый раз унесла с собой, когда пошла на отмели за морепродуктами. Сейчас они на жилой лодке.

С другой стороны лодок, услышав его слова, третий дядя Чжун обернулся со своей лодки и махнул рукой:

— Тебе нужны грабли? У меня есть! Бамбуковые щипцы тоже есть. Ты собрался в воду?

— Хочу спуститься, посмотреть. На лодке уж больно жарко — в воде хоть прохлада, — ответил Чжун Мин, нетерпеливо.

Последние дни после перерождения были до предела заняты делами: сначала пришлось наводить порядок в лодочной каюте, которая на его нынешний взгляд казалась сплошной

грязью и хаосом. Только всё расчистил — снова работа: плести верёвки из соломы для медузых сетей. И всё это время — ни разу как следует не поплавал.

— Молодёжь — одно слово, силы девать некуда, — усмехнулся третий дядя Чжун, перебираясь по палубе и собирая всё необходимое. Он перекинул снаряжение через борт прямо Чжун Мину.

Тот ловко всё подхватил: сачок закрепил за поясом, длинные щипцы сунул прямо в сетку, а грабли взял в руки.

Остальные, оставшиеся на лодках, с любопытством подтянулись поближе.

— Я бы тоже сейчас с радостью поплавал! — заметил один из них. — Это место — настоящее морское раздолье. Кто знает, может, даже парочку абалонов удастся отколупать!

Говорил это сын одного из дядей Чжун Мина, звали его Чжун Шоуцай. Сам Чжун Мин всегда звал его брат Шоуцай.

Стоило одному начать, как и другие молодые ребята загорелись — в том числе Чжун Ху и Чжун Ши.

— Ну тогда давайте все вместе, — сказал Чжун Мин. — Заодно и проверим, кто сколько может задерживать дыхание под водой.

Шестой Дядя-гун тоже подошёл поближе, указал рукой в сторону:

— Заплывайте вон туда, не отклоняйтесь, — велел он. — Иначе попадёте в зону, где сети стоят, а под ними полно медуз — как ужалят, так мало не покажется.

— Знаем, знаем, Шестой Дядя-гун! Мы же не дурные, — отмахнулся Чжун Ши.

Он был ещё совсем мальчишкой, только исполнилось тринадцать, игривый, шустрый — и первым, схватив с лодки сачок и грабли, без лишних слов с разбега плюхнулся в море. Имя у него было “Камень”, и, надо сказать, прыгал он в воду в полном соответствии с ним: брызги взметнулись высоко, будто кто-то булыжник бросил.

Даже его отец не удержался:

— Проклятый балбес! Вечно ты у меня как с обрыва валишься!

— Я тоже пошёл, — сказал Чжун Мин, обернувшись и коротко крикнув.

И тут же прыгнул следом.

Ничего не скажешь — одно только его вхождение в воду было уже в разы чище и красивее, чем у Чжун Ши.

Под водой всё было именно так, как он и ожидал: повсюду дрейфовали медузы, следуя течению в сторону лодок. Их колоколообразные тела раскрывались и сжимались, напоминая мягкие, дряблые грибы. Если бы не жгучая боль и зуд, которые они оставляли после себя, это зрелище и впрямь можно было бы назвать красивым.

Чжун Мин резко оттолкнулся ногами и за несколько гребков покинул зону скопления медуз. Оставив их позади, он оказался в прозрачной морской толще, где перед глазами начала медленно разворачиваться совершенно иная картина, ничем не похожая на сухопутный мир. Захватывающе красивая, до боли знакомая, вызывающая в душе щемящее чувство ностальгии.

Скалистые рифы тянулись гребнями, кораллы росли пышными пучками, будто цветы. Между ними стайками скользили разноцветные морские рыбы.

Чжун Мин смотрел на них, как на старых друзей, с которыми вновь свела судьба. В приподнятом настроении он зачерпнул железными граблями морского ежа прямо с рифа, тут же расколол его — и покормил рыб. Жёлтая икра расплылась в воде, и рыбы, привлечённые запахом, устремились к ней — одна за другой, клюя жадно и наперебой, пока не очистили всё до последней крошки.

Чжун Мин, несмотря на то что плотно сжал губы и сдерживал дыхание, не мог не улыбнуться уголками рта. Покормил ещё раз, потом ещё, но на третий раз, вскрыв очередного ежа, просто бросил его на дно и уплыл дальше.

Проплывая мимо одного каменного грота, он заметил орхидейного краба, увлечённого поеданием раковины. Не раздумывая, он нырнул ближе и ловко схватил краба голыми руками, закинув его в сачок. Мимо молнией промелькнула пёстрая морская свинья — рыба, светящаяся мягким зелёным отблеском. Эта рыба длиной примерно с две сложенных вместе ладони, переливается всеми цветами радуги, на вид напоминает ядовитый гриб, но мясо у неё жирное и вкусное, вполне оправдывает прозвище «морская свинья». У неё яркая, узнаваемая внешность, поэтому на рыночной площади её ценят куда выше обычной рыбы.

Чжун Мин подтянул к себе сетку, нырнул следом за рыбой и загнал её в узкую щель между камнями. Затем дважды ткнул её железными щипцами, вынуждая выскользнуть в единственный проход, где уже ждал раскрытый сачок. Рыба угодила туда прямо по плану. Судя по размеру, эта особь весила никак не меньше четырёх-пяти цзиней.

Чжун Мин с удовлетворением затянул устье сетки, сжал ручку щипцов и двинулся дальше, в поисках другой добычи — может, чего-то ещё стоящего. За оставшееся время он поймал ещё пять крабов — два орхидейных и три каменных красных. Успел мельком заметить и омара, но тот, к его разочарованию, ускользнул, и он ещё долго ворчал об этом в душе.

Чтобы хоть как-то загладить эту «потерю», он взялся за морских ежей — собрал не меньше десятка, а потом сдёрнул с камней целую охапку улиток «собачий зуб». Этого было бы достаточно на ужин для нескольких человек.

Затем он долго кружил, разыскивая абалонов, и, наконец, нашёл несколько штук — всё сложил в сачок. Сеть уже начинала наполняться, и под водой он пробыл тоже немало. Хотя чувствовал, что запас воздуха ещё не иссяк, Чжун Мин решил — пора возвращаться к поверхности.

Уже собираясь возвращаться, Чжун Мин вдруг краем глаза заметил что-то на морском дне неподалёку: в песке торчала огромная тёмная раковина — чёрная, будто обгорелая, размером почти с крышку котла. По ее форме — широкая сверху, сужающаяся книзу — сразу было понятно: это цзяньяо, морской гребешок. Разве можно устоять и не подплыть посмотреть поближе?

Цзяньяо, также известный под прозвищем дайцзы, — моллюск характерной формы, мясистая бахрома и мускулистая “нога” которого съедобны и славятся нежным, богатым вкусом. Особенно ценится как раз его “нога” — если её высушить, получается яо-чжу, деликатес высшего сорта, который в городских ресторанах подаётся только на банкетах.

Чжун Мин прежде встречал цзяньяо, размером с ладонь, даже с человеческую голову. Но вот такого, что достигал бы почти двух чи (почти семьдесят сантиметров), он ещё не видел никогда. Очевидно, чтобы дорасти до таких размеров, этот моллюск должен был прожить не один год.

А ещё он вспомнил, как старики в роду частенько говорили: всякая живность, что дожила до старости, становится особенно хитрой. И вот такой старый цзяньяо, вместо того чтобы укрыться в глубинах, зачем-то лежит в мелководье — это, как ни посмотри, подозрительно. Может статься, всё это связано с той самой бурей, которая, по его памяти, уже через несколько дней должна будет обрушиться на побережье...

Чжун Мин плотно обвязал раковину цзяньяо пеньковой верёвкой, надёжно закрепив с четырёх сторон. Он собирался вытащить эту громадину на поверхность и показать Шестому Дяде-гуну — пусть оценит, стоит ли добыча усилий.

Убедившись, что всё привязано крепко и не развяжется, он схватил сачок одной рукой, верёвку другой — и, таща за собой всю тяжесть трофеев, поплыл обратно.

Тем временем, на лодке.

У борта стояла целая компания, перегнувшись через край и вглядываясь в водную гладь, перебрасываясь замечаниями — каждый норовил вставить своё слово.

— Он там уже добрых четверть часа, — сказал кто-то. — Шоуцай и остальные за это время уже три-четыре раза всплывали, а А-Мин всё не поднимается. Кажется, у него водные навыки ещё

сильнее стали.

— У нас, водных людей, с рождения тело само к воде тянется. Четырёх-пятiletние пацаны уже умеют нырять с задержкой дыхания, но вот таких, как Чжун Мин, — единицы.

— Мой старший брат, его отец, тоже был хорош в воде, — подхватил один из мужчин. — А невестка, жена его, вообще из рода жемчужников. До замужества она была настоящей чжуню*. Так что не удивительно — дракон родит дракона, феникс — феникса. Их сын не может быть ничтожеством.

(ПП: чжу-ню - ныряльщицы за жемчугом)

— Эх, жаль только, младший, Чжун Хань, родился восьмимесячным, — вздохнул кто-то. — Тело слабенькое, не то что у старшего брата. А так бы, подрасти, глядишь, и из него вышел бы толк.

— Самое жалкое-то не в том, — мрачно пробормотал третий дядя Чжун. — А в том, что старший брат с женой так рано ушли...

Слово за слово — и его речь сбилась на грустную ноту. Четвёртый дядя, стоявший рядом, тоже вздохнул, не находя слов.

Как раз в этот момент с кормы раздался всплеск и следом из воды вынырнула фигура.

Чжун Ху, державший в руках наполовину сгоревшую ароматическую палочку, подпрыгнул от радости и воскликнул:

— Брат А-Мин, ты просто герой! Ты под водой пробыл целую четверть часа!

Чжун Мин махнул рукой в знак приветствия, затем резко потрянул головой, сбрасывая воду с волос, и подплыл к борту. Сначала он передал наверх сачок и верёвку, к которой был привязан его самый тяжёлый трофей.

Чжун Шоуцай и Чжун Ху оказались ближе всех — подскочили сразу. Чжун Ху ухватил за верёвку, но вес был таков, что его самого дёрнуло вперёд, и он чуть не упал.

Он уставился на канат с расширенными глазами:

— Брат, ты там что, на верёвке корабль притащил?

— Тащи — сам увидишь, — с усмешкой ответил Чжун Мин.

Он ухватился за борт и легко взобрался на лодку. При этом, когда напрягся, чтобы подтянуть тело, загорелые мышцы на спине и плечах чётко обозначились, вытянулись, плотные, сильные. Разумеется, в воду он прыгал без рубахи. Штаны тоже были подвёрнуты — на нём остались только короткие обтягивающие шорты, закрывающие бедро до середины. На воде так одевались все: нижние штаны — короткие, верхние — лишь чуть ниже колен. В них удобно было и плавать, и не жарко.

Чжун Шоуцай уже успел вытащить сетку, и теперь её содержимое — рыба, крабы, морские ежи, абалоны и раковины — рассыпалось по палубе. Глядя на этот богатый улов, остальные не могли скрыть зависти.

— Вот это ты даёшь! — с уважением выдохнул Шоуцай. — Мы ныряли столько раз, глубже не рискнули, а у тебя и за один заход улов — на целую лодку. Глянь только на этих абалонов — какие крупные! На рынке за них цену дадут, ого-го!

Чжун Мин принял тряпку от дяди Тан Дацяна, вытер лицо, потом начал тереть волосы.

— Умение плавать — дело нарабатываемое, — спокойно сказал он. — Сейчас я и правда могу задерживать дыхание дольше, чем раньше. Да и собирать всё это — тоже не просто так. Надо знать, где искать. Если ныряешь без цели, только время теряешь.

Чжун Шоуцай почесал затылок, как бы соглашаясь:

— Тренироваться — это да... Но и без милости Морской Богини не обойдёшься.

Чжун Мин лишь улыбнулся, не стал спорить.

Когда он вытерся достаточно, чтобы вода больше не затекала в глаза, он закинул тряпку на шею и подошёл помочь Чжун Ху.

За время их разговора Чжун Ху и Чжун Ши уже вдвоём вытянули добрую часть верёвки. Сзади подстраховывал третий дядя. Когда огромный моллюск цзяньяо наконец показался из воды и тяжело плюхнулся на палубу, даже у Шестого Дяди-гуна глаза расширились вдвое.

У Чжун Ши аж язык начал заплетаться:

— Эт... Эт-то... Такое под водой бывает? Брат А-Мин, ты точно с нами в одной и той же воде нырял?

Он из всей молодёжи на лодке был худшим в задержке дыхания — едва уйдёт под воду, как уже через минуту всплывает. Сколько ни нырял — разве что лицо покраснелось да шею надул, а в сетке всё пусто. Четвёртый дядя, насмотревшись на это, и сам начал сердиться, и за здоровье мальчика опасаться — после второй попытки и вовсе запретил ему лезть обратно в воду.

— Я отплыл подальше, — пояснил Чжун Мин. — Этого цзяньяо я заметил случайно. Если бы не под тем углом проплыл, запросто бы прошёл мимо.

Заметив, что Шестой Дядя-гун подошёл ближе, он немного отодвинулся, освобождая место:

— Шестой Дядя-гун, вы человек бывалый, гляньте. Такого огромного цзяньяо я ещё не видал, да и не на глубине, а прямо тут, на мелководье, в песке. Это не странно?

Сказал он это с наивным видом, будто просто интересуется, но на самом деле подводил разговор к более важному — к приближающейся буре:

— Слышал я раньше, перед тем как над морем поднимается дракон, на дне случаются водовороты и подводные волны. Из-за них вся рыба и живность с глубины выходит ближе к берегу... Может, и тут то же самое?

Когда он договорил, несколько пар глаз тут же уставились на Шестого Дядю-гуна. Тот с мрачным выражением лица присел на корточки, постучал по створке огромной раковины, потом долго молчал... и, наконец, тихо выдохнул:

— Трудно сказать.

<http://bllate.org/book/13583/1204983>